

**Кризис идентичности как ресурс модернизации общества:
исследование восприятия социальных институтов российского
общества представителями трех социально-возрастных категорий
современных россиян**

В.А. ИЛЬИН

*доктор психологических наук, профессор кафедры психологии управления
Московского городского психолого-педагогического университета*

Е.А. МИХАЙЛОВА

руководитель отдела персонала ООО «НЛК-Транс»

В статье представлены результаты исследования восприятия и оценки базисных социальных институтов российского общества представителями трех социально-возрастных категорий (студенты, «средний класс», пожилые люди), разработанного и выполненного в логике психосоциальной теории развития. На основании развернутого анализа значительного массива эмпирических данных выявлено наличие системного кризиса психосоциального развития в современном российском обществе, проявляющегося не только на индивидуальном, межличностном и межгрупповом уровнях, но и на уровне социальной структуры общества в целом, для которой характерна отчетливо выраженная амбивалентность, неразрешенность диалектического противоречия между инновационной и консервативной тенденциями развития. Показано, что кризис идентичности общества создает потенциальные условия для модернизации социальной системы, адекватной потребностям инновационного развития, а российский «средний класс» в его современном состоянии является основой человеческого капитала, необходимого для осуществления такого рода модернизации по эволюционной и при этом достаточно динамичной схеме.

Ключевые слова: *социально-возрастная категория, базисные социальные институты, системный кризис психосоциального развития, инновационные и консервативные тенденции развития, психосоциальная теория развития.*

В условиях социальных трансформаций одной из ключевых проблем, связанных с объективной необходимостью достаточно интенсивного инновационного развития социальной структуры при сохранении целостности и функциональности общества, является проблема восприятия различными категориями населения как приоритетных ценностных

ориентиров, так и конкретных социальных структур в их актуальном состоянии. Данный вопрос приобрел особую остроту на современном этапе развития российского общества в связи с тем, что, с одной стороны, совершенно отчетливо проявляются тенденции к повышению социальной активности граждан, формированию гражданского общества и такой

его во многих отношениях системообразующей составляющей, как экономической самостоятельный и политически активный «средний класс», а с другой стороны, обострилась угроза идеологического и социального раскола общества, радикализма, экстремизма, что совершенно реально может привести к полномасштабной социальной катастрофе.

Программа эмпирического исследования

В этой связи нами было разработано и реализовано исследование восприятия социальных институтов общества представителями трех поколений современных россиян. В качестве методологической базы данного исследования была выбрана психосоциальная теория развития. Основанием для такого рода выбора послужило то, что данная теория позволяет достаточно полномасштабно рассматривать не только процессы индивидуального и общественного развития в их взаимосвязи, но и оценивать функциональность и перспективы развития социальной системы.

В качестве основного инструмента углубленного исследования субъективного восприятия базисных социальных институтов российского общества различными категориями его представителей использовался дифференциал психосоциального развития.

Поскольку как теоретико-методологическая база исследования, так и дифференциал психосоциального развития достаточно полно представлены в целом ряде работ, опубликованных в том числе и на страницах журнала «Социальная психология и общество», даже самое схе-

матичное их рассмотрение в рамках настоящей статьи представляется излишним. Вместе с тем, прежде чем перейти к описанию собственно исследования и полученных результатов, целесообразно остановиться на характеристике выборки испытуемых и критериях ее подбора, поскольку эти данные являются первоначально значимыми применительно к рассматриваемой проблематике.

Выборку испытуемых составили представители трех социально-возрастных категорий современных россиян. Сразу обозначим предметное содержание понятия «социально-возрастная категория». Данное понятие было введено в научный лексикон сравнительно недавно в связи с экстраполяцией психосоциального подхода на социально-психологический контекст. Оно описывает большие группы, характеризующиеся как собственно возрастной спецификой, в логике психосоциальной схемы Э. Эриксона, так и определенным социальным, образовательным, профессиональным статусом. Как показано в ряде работ, именно такого рода структурирование наиболее адекватно изучению процессов индивидуального и общественного развития в их взаимосвязи и совокупности [1 и др.].

Первую социально-возрастную категорию испытуемых составили студенты старших курсов высших учебных заведений Москвы в возрасте от 20 до 22 лет. Такой выбор был обусловлен рядом соображений.

Во-первых, согласно классической эпигенетической схеме, предложенной Э. Эриксеном, сензитивным, с точки зрения формирования психосоциальной идентичности индивида, является возрастной период от 12 до 20 лет [4]. При этом, как было показано в ряде исследо-

ваний (Н.Ю. Ерасова, В.А. Ильин, Е.А. Минакова, Л.Г. Степанова и др.), в современных российских условиях данный период в силу ряда причин оказывается более длительным и наиболее актуальный его этап приходится именно на возраст 20–22 лет.

Во-вторых, как было выявлено в ряде теоретических и эмпирических работ, связанных с развитием концепции Э. Эриксона (В.А. Ильин, Е.А. Минакова, Д.В. Сипягин и др.), именно в этом возрасте объективная потребность в самореализации за счет активного переустройства окружающего мира (в нашем конкретном случае за счет пересмотра содержания и смыслов базисных институтов общества) проявляется наиболее интенсивно.

В-третьих, понятно, что сам по себе факт успешного обучения в вузе свидетельствует о достаточно высоком уровне амбиций индивида, в том числе и в упомянутом выше аспекте, а также о способности реализовать эти амбиции.

В-четвертых, эмпирически зафиксировано [3 и др.], что уже к концу четвертого курса собственно учебная деятельность отходит на второй план, с точки зрения планирования траектории дальнейшего индивидуально-личностного развития, и в фокусе внимания большинства студентов оказываются задачи, связанные с предполагаемой профессиональной деятельностью и достижением желаемой статусной позиции в широком социуме.

В совокупности все перечисленное достаточно отчетливо показывает, что именно данная социально-возрастная категория является одной из ключевых, с точки зрения оценки перспектив развития общества и модернизации социаль-

ной системы в логике созидательного разрушения (как показано Й. Шумпетером, Р. Фостером, С. Каплан и др., именно процесс созидательного разрушения лежит в основе любой реальной инновации, причем степень инновационности прямо пропорциональна уровню разрушения существующего положения вещей) [2].

Вторую из рассматриваемых социально-возрастных категорий составили профессионалы с высшим образованием, работающие в коммерческих структурах, в возрасте от 25 до 45 лет. При выборе данной категории испытуемых мы принимали во внимание следующие обстоятельства.

Во-первых, в рамках классической эпигенетической карты Э. Эриксона [4] данный возрастной период охватывает стадии ранней взрослости и взрослости. Достаточно очевидно, что рассматриваемый этап личностно-возрастного развития оказывается наиболее продуктивным в социальном и профессиональном аспектах. По сути, речь идет о ключевой стадии реализации перспективных жизненных планов, формирующихся на завершающем этапе получения высшего профессионального образования.

Во-вторых, исходя из собственно социологических характеристик испытуемых, включенных в данную категорию, их с известной степенью условности можно рассматривать как типичных представителей «среднего класса» применительно к ориентирам, которые задаются в качестве социентальных параметров данной страты в современных российских условиях. При этом именно «средний класс» рассматривается большинством социологов, философов, экономистов и социальных психологов в качестве своего рода «станового хребта» современного общества, обеспечиваю-

шего динамичное институциональное развитие, в рамках которого инновационные процессы оказываются интегрированными с реально актуальными, сохраняющими свою ценность аспектами существующей традиции.

В-третьих, исходя из социологического портрета, можно утверждать, что данная категория испытуемых, не являясь в рамках своего жизненного пространства жестко аффилированной с существующими социальными институтами общества (в отличие от, например, государственных служащих), в то же время вполне успешно «вписывается» в задаваемое этими социальными институтами нормативное поле. Это, в свою очередь, дает основание предполагать, что оценка такого рода испытуемыми существующих социальных институтов оказывается в наименьшей степени подвержена влиянию субъективных факторов как в логике «за», так и в логике «против», а следовательно, наиболее адекватна.

В-четвертых, суммируя все сказанное, можно с достаточным основанием предположить, что именно внутри данной социально-возрастной категории и происходит актуальное в рассматриваемый период разрешение конфликта между традиционалистским и инновационным векторами психосоциального развития. Иными словами, углубленное изучение особенностей психосоциального развития именно данной категории испытуемых позволяет ответить на один из ключевых в прикладном аспекте вопросов, а именно: является ли «средний класс» в современной России социальной базой институциональных инноваций, либо, напротив, выступает в качестве консервативно ориентированной группы, сопротивляющейся изменениям.

В *третью* из рассматриваемых социально-возрастных категорий вошли испытуемые в возрасте 60 лет и старше.

Данный возраст, согласно эпигенетической карте, характеризуется как зрелость. При этом базисным конфликтом данной стадии является «интегративность против отчаяния» [4]. Именно интегративность как эго-сила старшего поколения, которое с очевидностью выступает основным носителем традиционных ценностей общества, является первоочередным фактором, характеризующим способность не только конкретных представителей данной возрастной категории, но и общества в целом эффективно инкорпорировать энергию детской витальности младших поколений при сохранении целостности и функциональности социальной структуры [6]. Кроме того, отдельный несомненный интерес в рассматриваемом контексте представляет субъективное восприятие именно представителями старшего поколения россиян базисных институтов общества в их нынешнем виде с учетом произошедших в последние десятилетия социальных, политических и экономических изменений.

Всего в исследовании приняли участие 370 испытуемых. Из них: испытуемых в возрасте от 20 до 22 лет — 104 человека (54 женского и 50 мужского пола); испытуемых в возрасте от 25 до 45 лет — 163 человека (90 мужчин и 73 женщины); испытуемых в возрасте от 60 лет — 103 человека (61 женщина и 42 мужчины).

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе был осуществлен ассоциативный эксперимент, направленный на выявление понятий, наиболее отчетливо связанных в восприятии представителей всех трех социально-возраст-

ных категорий с выделяемыми в рамках психосоциальной теории базисными социальными институтами общества — религии, политики, права, технологии, идеологии. На втором, основном, этапе исследования всем испытуемым было предложено оценить по факторам дифференциала психосоциального развития (ДПР) выявленные в ходе ассоциативного эксперимента понятия.

Результаты исследования и их интерпретация

При анализе полученных данных в качестве основного оценочного критерия использовались результаты по фактору дифференциала, соответствующему стадии психосоциального развития, непосредственно связанной с конкретным базисным социальным институтом (фактор «доверие» для института религии; фактор «автономия» для институтов политики и права; фактор «инициатива» для института экономики; фактор

«компетентность» для института технологии; фактор «идентичность» для института идеологии). Данные по остальным факторам дифференциала служили в качестве дополнительной (фоновой) информации.

Исходя из цели и задач описываемого этапа исследования, прежде всего рассматривались и интерпретировались результаты по выборке в целом. В то же время для конкретизации и углубленной интерпретации выявленных таким образом закономерностей отдельно рассматривались результаты, полученные по каждой из трех подвыборок испытуемых, и проводился их сравнительный анализ.

На рисунке представлены построенные по средним значениям эмпирических распределений сравнительные результаты оценки каждого из рассматриваемых базисных социальных институтов, полученные по выборке в целом и по каждой из трех социально-возрастных категорий в отдельности. Для удобства восприятия использованы результаты только по факторам дифференциала, непосредственно

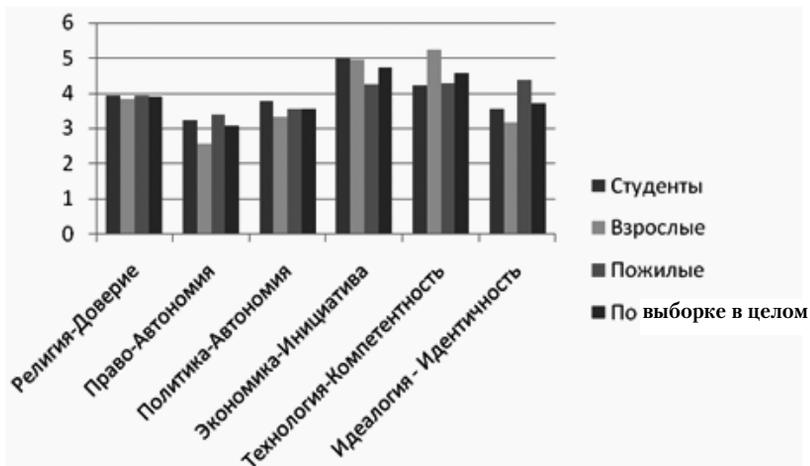

Рис. Оценка испытуемыми базисных социальных институтов российского общества по факторам ДПР, непосредственно связанными с данными институтами

связанные в логике психосоциальной теории развития с конкретным базисным социальным институтом (по сути, речь идет об оценке испытуемыми уровня институциональной витальности каждой из выделенных фундаментальных составляющих социальной структуры).

Прежде всего, в соответствии с изложенной выше исследовательской логикой, рассмотрим результаты оценки уровня институциональной витальности по выборке в целом.

Как видно на представленном рисунке, наиболее позитивно респондентами из всех трех социально-возрастных категорий оцениваются социальные институты экономики и технологии. Согласно интерпретационной шкале ДПР, данный результат соответствует слабо выраженному позитивному разрешению базисных психосоциальных конфликтов «инициатива против чувства вины» и «компетентность против неуспешности», соответственно. Иными словами, согласно полученным данным, эти социальные институты в их современном состоянии обладают умеренно выраженным уровнем институциональной витальности и подкрепляют, хотя и в недостаточной степени, детскую витальность членов общества, т. е. в целом поддерживают инновационный вектор развития общества.

Результаты оценки респондентами остальных социальных институтов общества свидетельствуют об амбивалентном либо негативном отношении респондентов к данным институтам. Самый низкий результат отмечается при оценке института права. Зафиксированное среднее значение по выборке в целом, согласно интерпретационной шкале ДПР, соответствует слабо выраженному негативному разрешению базисного

психосоциального конфликта «автономия против стыда и сомнения». Что касается оценок испытуемыми базисных социальных институтов религии, политики, идеологии, то они попадают в шкальный интервал, отражающий неразрешенность соответствующих базисных конфликтов психосоциального развития. Это означает, что социальные институты религии, политики, идеологии и, в особенности, права в их современном состоянии обладают низким уровнем институциональной витальности, не поддерживают и, более того, подавляют детскую витальность членов общества, а следовательно, поддерживают консервативный вектор общественного развития.

Таким образом, уже на данном этапе оценки полученных данных можно констатировать наличие системного кризиса психосоциального развития в современном российском обществе, проявляющегося не только на индивидуальном, межличностном и межгрупповом уровнях, но и на уровне социальной структуры общества в целом, для которой характерна отчетливо выраженная амбивалентность, неразрешенность диалектического противоречия между инновационной и консервативной тенденциями развития.

В целях детализации и расширенной интерпретации полученных данных последовательно проанализируем результаты оценки уровня институциональной витальности рассматриваемых институтов в каждой из трех социально-возрастных категорий в отдельности.

В таблице 1 представлены результаты подобного анализа методом описательных статистик эмпирических распределений оценок института религии для каждой из трех социально-возрастных категорий испытуемых.

Таблица 1

Результаты анализа методом описательных статистик оценки института религии
 тремя категориями испытуемых

Факторы ДНР	Студенты				Взрослые				Пожилые				
	Доверие	Автономия	Инициатива	Компетентность	Доверие	Автономия	Инициатива	Компетентность	Доверие	Автономия	Инициатива	Компетентность	Идентичность
Валидные	104	104	104	104	163	163	163	163	103	103	103	103	103
Пропущенные	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Среднее	3,94	3,36	3,20	3,87	3,84	3,34	3,65	4,47	3,95	3,52	3,32	4,23	4,12
Медиана	4,00	3,17	3,25	4,00	4,17	3,50	3,83	4,83	3,83	3,00	2,83	3,67	3,50
Мода	4,17a	3,33	3,33	3,83	4,17a	3,50	4,17	4,83a	3,67	3,00	2,83	3,50	3,33
Стандарт. отклонение	1,43	1,01	0,80	1,49	1,74	1,27	1,10	1,62	1,63	1,10	0,88	1,34	1,40
Дисперсия	2,05	1,02	0,64	2,22	3,04	1,60	1,21	2,62	2,66	1,21	0,77	1,78	1,97
Минимум	1,17	2,00	1,83	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,50	2,33	2,50	2,67	2,50
Максимум	6,67	5,83	4,67	6,83	6,50	5,17	5,33	6,67	6,83	6,83	5,50	7,00	7,00
Процентили	25	2,83	2,67	3,00	2,33	2,83	3,50	3,67	3,83	2,50	2,67	2,67	3,17
	50	4,00	3,17	3,25	4,00	4,17	3,50	3,83	4,83	3,83	3,00	2,83	3,67
	75	5,09	4,00	4,83	5,17	4,17	4,17	5,67	5,33	4,17	3,83	5,17	5,17

Как видно из табл. 1, оценки данного института всеми тремя категориями испытуемых не только по основному — «доверие», но и по фоновым факторам ДПР очень близки, что свидетельствует о своеобразном консенсусе поколений в восприятии социального института религии в том виде, в каком он существует в российском обществе в настоящее время (об этом свидетельствуют и близкие значения величины стандартного отклонения по каждому фактору, полученные во всех трех подвыборках).

Для оценки качественного содержания представленного в табл. 1 расклада прежде всего остановимся на соотношении квартильных долей распределений по основному применительно к институту религии фактору — «доверие». Данные табл. 1 свидетельствуют, что оценки около 25 % (нижний квартиль распределения) испытуемых всех трех категорий локализируются в отрицательной части шкалы дифференциала, т. е., с их точки зрения, институт религии в его современном виде имеет критично низкую институциональную витальность и продуцирует базисное недоверие в обществе¹. Примерно столько же испытуемых — 25 %, чьи результаты составили верхний квартиль распределения, во всех трех подвыборках позитивно оценивают институт религии, т. е. как обладающий высокой институциональной витальностью и продуцирующий базисное доверие в обществе. Результаты 50 % испытуемых всех трех категорий, составившие «срединные» квартили распределений, попадают в шкальный интервал, соответствующий неразрешенности психосоциального конфликта «доверие против недоверия». Добавим, что аналогичная в целом картина выяв-

лена и при анализе распределений, полученных по фоновым факторам ДПР, причем по факторам «автономия» и «инициатива» более 50% всех испытуемых оценили институт религии негативно.

Это можно интерпретировать как амбивалентно-индифферентное восприятие института религии. Таким образом, проведенный анализ показывает, что абсолютное большинство испытуемых всех трех социально-возрастных категорий воспринимают институт религии негативно либо индифферентно, что означает явно низкий уровень институциональной витальности данного института в его современном виде.

Одной из ключевых глубинных причин такого результата является, на наш взгляд, совершенно отчетливая тенденция сращивания в современных условиях религиозных и государственных институтов российского общества (заметим, что это в полной мере относится ко всем так называемым «традиционным» конфессиям). Иными словами, в субъективном восприятии значительного числа российских граждан институт религии выступает своеобразным придатком института идеологии, что вызывает отторжение как на рефлексивном, так и на подсознательном уровнях. О справедливости данного вывода свидетельствуют и наиболее низкие оценки представителями всех трех социально-возрастных категорий по фоновым факторам «автономия» и «инициатива», т. е. институт религии воспринимается как несамостоятельный и пассивно-консервативный.

В таблице 2 представлены результаты анализа методом описательных статистик эмпирических распределений оценок института права для каждой из трех социально-возрастных категорий испытуемых.

¹ Напомним, что для удобства статистической обработки исходный шкальный диапазон дифференциала — от -3 до 3 переводится в балльный — от 1 до 7 (именно балльные оценки представлены в табл. 1); при интерпретации производится обратная процедура.

Таблица 2
 Результаты анализа методом описательных статистик оценки института права тремя категориями испытуемых

Факторы ДИР	Студенты					Взрослые					Пожилые				
	Доверие	Автономия	Инициатива	Компетентность	Идентичность	Доверие	Автономия	Инициатива	Компетентность	Идентичность	Доверие	Автономия	Инициатива	Компетентность	Идентичность
Валидные	104	104	104	104	104	163	163	163	163	163	103	103	103	103	103
Пропущенные	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Среднее	2,82	3,24	3,97	4,20	4,37	2,18	2,59	3,91	3,92	3,67	2,98	3,40	3,74	4,35	4,52
Медиана	2,67	3,17	4,09	4,17	4,50	2,00	2,50	4,00	3,83	3,50	3,00	3,00	3,67	4,17	4,83
Мода	2,00	4,00	4,17	4,17	4,50	1,67	1,67	4,33	3,33	3,00	3,00	3,00	3,17	3,50	5,33
Стандарт. отклонение	1,14	1,17	0,71	1,16	1,29	0,63	0,89	0,49	0,79	0,84	0,91	1,14	0,64	0,94	0,94
Дисперсия	1,31	1,37	0,50	1,34	1,66	0,40	0,80	0,24	0,62	0,70	0,82	1,30	0,40	0,88	0,88
Минимум	1,00	1,00	2,33	1,17	1,50	1,33	1,50	3,00	2,67	2,50	1,00	1,33	2,83	3,00	2,83
Максимум	5,83	6,00	5,17	6,67	6,67	3,50	4,50	4,67	5,50	5,50	4,50	6,00	5,00	6,17	5,83
Процентили	25	2,00	2,50	3,50	3,67	3,50	1,67	3,50	3,33	3,00	2,53	2,83	3,17	3,50	3,67
	50	2,67	3,17	4,09	4,17	4,50	2,00	2,50	4,00	3,83	3,00	3,00	3,67	4,17	4,83
	75	3,41	4,00	4,50	4,83	2,67	3,17	4,33	4,50	4,17	3,67	4,17	4,17	5,17	5,33

Как следует из табл. 2, наиболее критично оценивают институт права по базовому фактору «автономия» представители второй социально-возрастной категории — «среднего класса». Свыше 75 % распределения результатов, полученных по данной подвыборке, локализируются в отрицательной части шкалы ДПР, соответствующей негативному разрешению базисного конфликта «автономия против стыда и сомнения». Это означает, что подавляющим большинством испытуемых институт права в его современном состоянии воспринимается как деструктивно-консервативный, неспособный обеспечивать автономию независимой личности и, более того, ориентированный на ее подавление. Схожая картина зафиксирована в рассматриваемой социально-возрастной категории и по фоновым относительно данного института факторам дифференциала. Причем нельзя не отметить экстремально низкие оценки по фактору «доверие». Максимум распределения соответствует шкальной оценке -0,5, т. е. все испытуемые этой подвыборки не испытывают доверия к российскому институту права в его современном состоянии.

Несколько выше в абсолютном исчислении оценили институт права представители двух других социально-возрастных категорий. Однако на уровне общей тенденции их результаты схожи с результатами представителей «среднего класса». Так, в обоих случаях более 50 % распределений результатов по базисному фактору локализируются в отрицательной части соответствующей шкалы ДПР (верхние границы второго квартиля составляют -0,9 для подвыборки студентов и -1 для подвыборки пожилых людей). При этом лишь незначительная часть испытуемых из рассматриваемых социально-возрастных категорий позитивно оценивают институт права по фактору «автономия» — границы верхних квартилей составляют 0 при максимуме

распределения 5 и 0,17 при максимуме распределения 5, соответственно. Похожий расклад выявлен и по фоновым факторам ДПР, причем как и в предыдущем случае наиболее низкие оценки зафиксированы по фактору «доверие».

В совокупности все это свидетельствует, что в восприятии контингента испытуемых, задействованном в нашем исследовании, институт права в его современном состоянии оценивается как явно деструктивный с точки зрения его институциональной витальности. Это обусловлено, на наш взгляд, как объективным состоянием данного института в современном российском обществе, так и отчетливо выраженным негативным трендом его оценки в средствах массовой информации и массовой коммуникации. При этом ключевую роль играет реальный опыт взаимодействия с правовыми институтами общества. В этом смысле показательно, что наиболее критичное отношение к данному институту по всем факторам дифференциала зафиксировано по выборке представителей «среднего класса», т. е. той социально-возрастной категории, которая в силу своей профессиональной деятельности наиболее часто и активно непосредственно взаимодействует с институтом права в различных его ипостасях.

Переходя к рассмотрению следующего социального института — политики, необходимо отметить, что оценку респондентами данного социального института целесообразно рассматривать в непосредственной связи его с оценками института права, поскольку как на уровне восприятия испытуемых, так и в логике теории психосоциального развития эти институты взаимосвязаны.

В таблице 3 представлены результаты анализа методом описательных статистик эмпирических распределений оценок института политики для каждой из трех социально-возрастных категорий испытуемых.

Таблица 3

Результаты анализа методом описательных статистик оценки института политики
трех категорий испытуемых

Факторы ДНР	Студенты				Взрослые				Пожилые				
	Доверие	Автономия	Инициатива	Компетентность	Доверие	Автономия	Инициатива	Компетентность	Доверие	Автономия	Инициатива	Компетентность	Идентичность
Валидные	104	104	104	104	163	163	163	163	103	103	103	103	103
Пропущенные	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Среднее	2,68	3,78	3,84	3,30	2,74	3,33	3,58	3,29	2,86	3,54	3,68	3,61	3,37
Медиана	2,67	4,00	3,83	3,50	2,50	3,33	3,67	3,33	2,83	3,56	3,60	3,33	3,00
Мода	1,67а	4,00	3,83	4,17	2,00	3,33	3,67	3,33	2,83	2,33а	3,33	2,83	2,67
Стандарт. отклонение	1,12	1,17	0,70	1,21	0,96	0,88	0,43	1,09	1,10	1,43	0,65	1,29	1,23
Дисперсия	1,26	1,38	0,49	1,45	0,92	0,78	0,19	1,19	1,22	2,04	0,42	1,67	1,51
Минимум	1,00	1,00	2,50	1,00	1,50	2,00	2,67	1,50	1,00	1,00	2,67	1,50	1,50
Максимум	5,50	5,67	5,33	5,50	5,00	5,67	4,33	5,50	5,33	6,00	5,33	6,50	6,67
Процентили	25	1,67	3,17	3,41	2,00	2,67	3,33	2,33	2,00	2,33	3,33	2,83	2,67
	50	2,67	4,00	3,83	3,50	2,50	3,33	3,67	2,83	3,56	3,60	3,33	3,00
	75	3,50	4,50	4,33	4,17	3,33	3,67	4,00	3,50	4,83	3,83	4,50	4,00

Таблица 3 показывает, что, как и в предыдущем случае, наиболее критично по базисному фактору «автономия» оценивают российский институт политики в его современном состоянии представители «среднего класса». Практически 75 % распределения результатов, полученных по данной подвыборке, локализируются в отрицательной части шкалы ДПР, соответствующей негативному разрешению базисного конфликта «автономия против стыда и сомнения». То есть институт политики, как и институт права, воспринимается большинством испытуемых из данной социально-возрастной категории как обладающий критично низкой институциональной vitalностью и продуцирующий в обществе стыд и сомнение как деструктивную альтернативу автономии полнезависимых индивидов. Также крайне низко оценивают представители данной подвыборки институт политики по всем без исключения фоновым шкалам. Он воспринимается как совершенно не заслуживающий доверия, пассивно-консервативный и при этом внутренне аморфный, не имеющий ни отчетливо артикулированных целевых задач, ни эффективных средств их достижения.

Несколько иная картина наблюдается в двух других социально-возрастных категориях.

Структура восприятия института политики студентами по базисному фактору очень схожа со структурой восприятия ими института религии. В рассматриваемом случае также 25 % оценок, составившие нижний квартиль распределения, локализируются в отрицательной части шкалы дифференциала. То есть восприятие института политики этой частью данной подвыборки аналогично

описанному выше восприятию большинства представителей «среднего класса». В то же время 25 % испытуемых, чьи результаты составили верхний квартиль распределения, оценивают институт политики если и не как высоко vitalный, то, во всяком случае, небезнадежный в этом отношении — нижняя граница рассматриваемого квартиля составила 0,5 при максимуме распределения 1,67. Результаты 50 % испытуемых этой категории, составившие срединные квартили распределений, попадают в шкальный интервал, соответствующий неразрешенности психосоциального конфликта «автономия против стыда и сомнения», т. е. их отношение к институту политики характеризуется амбивалентностью и индифферентностью. Такой расклад отражает, на наш взгляд, сохраняющуюся аполитичность большинства студенчества при отчетливой поляризации политизированной его части.

Что касается фоновых факторов, то здесь имеет место схожая тенденция, но за одним немаловажным исключением. По фактору «доверие» распределение совершенно отчетливо смещено в сторону отрицательного полюса. Негативно оценивают институт политики по данному фактору 75 % испытуемых. Это означает, что даже аполитичные в целом студенты рассматривают этот институт как не заслуживающий доверия.

Что касается результатов, полученных по подвыборке пожилых людей, то они занимают промежуточное положение между двумя описанными раскладами. Так, по базисному фактору ДПР результаты 50 % испытуемых, составивших два нижних квартиля распределения, локализируются в отрицательной части шкалы, т. е. половина этой подвыборки воспринимает институт поли-

тики отчетливо негативно. Результаты 25 % испытуемых, составившие верхний квартиль распределения, указывают на достаточно выраженное позитивное восприятие данного института. И, наконец, 25 % испытуемых, чьи результаты составили третий квартиль распределения, продемонстрировали амбивалентно-индифферентное отношение (нижняя и верхняя границы квартиля составили -0,44 и 0,83 соответственно, что практически совпадает с границами шкального интервала, интерпретируемого как зона неразрешенности конфликта «автономия против стыда и сомнения»). При этом результаты данной категории испытуемых по фоновым факторам близки к аналогичным, полученным по подвыборке представителей «среднего класса», особенно по фактору «доверие». В совокупности это означает, что в целом представители старшего поколения также в целом негативно воспринимают институт политики. Различие оценок представителей данной социально-возрастной категории с оценками представителей «среднего класса» по базисному фактору объясняются, на наш взгляд, традиционной устойчивой лояльностью определенной части пожилых людей к любой власти в любых ее проявлениях.

В целом можно констатировать, что при наличии ряда вполне понятных локальных различий, обусловленных социально-возрастной спецификой, представители трех поколений солидаризируются в оценке институтов политики и права (являющихся, заметим, базовыми структурами, с точки зрения обеспечения функциональности любой социальной системы) как дисфункциональных, неадекватных потребностям индивидуального, а в конечном счете и общественного развития.

Социальный институт экономики существенно выше оценивается респондентами всех трех категорий в целом, с точки зрения его институциональной витальности.

В таблице 4 представлены результаты анализа методом описательных статистик эмпирических распределений оценок института экономики для каждой из трех социально-возрастных категорий испытуемых.

Как видно из табл. 4, представители двух младших социально-возрастных категорий оценивают институт экономики заметно выше, чем представители социально-возрастной категории пожилых людей. Практически 75 % испытуемых из двух первых подвыборок оценивают уровень институциональной витальности данного института как высокий по базисному фактору ДПР «инициатива». Аналогичная картина зафиксирована в оценке института экономики представителями данных социально-возрастных категорий по фоновым факторам «автономия», «компетентность», «идентичность». Лишь по фактору «доверие» уровень оценок заметно ниже и представляет собой, по сути, зеркальное отражение описанной картины — 75 % испытуемых обеих категорий дают негативную либо амбивалентную оценку по данному фактору (интерпретацию этого феномена мы попытаемся дать чуть ниже).

Что касается подвыборки пожилых людей, то оценки представителей данной социально-возрастной категории института экономики по базисному фактору разделились в пропорции приблизительно 50 : 50 («приблизительно» потому, что в целом все-таки имеет место смещение распределения к положительному полюсу дифференциала). Пример-

Таблица 4

**Результаты анализа методом описательных статистик оценки института экономики
четыре категориями испытуемых**

Факторы ДНР	Студенты				Взрослые				Пожилые							
	Дворяне	Автономия	Инициатива	Компетентность	Идентичность	Дворяне	Автономия	Инициатива	Компетентность	Идентичность	Дворяне	Автономия	Инициатива	Компетентность	Идентичность	
Валидные	104	104	104	104	104	163	163	163	163	163	103	103	103	103	103	
Пропущенные	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	
Среднее	3,68	5,57	4,97	5,77	5,11	3,54	5,47	4,96	5,71	5,18	3,38	5,11	4,25	5,03	4,67	
Медиана	3,67	5,83	5,17	6,00	5,33	3,67	5,67	5,00	5,67	5,00	3,53	5,50	4,17	5,33	5,00	
Мода	3,17	6,50	5,17	6,00	5,33	3,67	5,67	5,50	6,50	5,00	4,00	6,00	3,50a	6,00	5,83	
Стандарт. отклонение	0,90	0,95	0,73	0,90	1,24	0,93	0,77	0,63	0,86	1,01	0,83	1,35	0,82	1,31	1,56	
Дисперсия	0,80	0,90	0,53	0,82	1,55	0,87	0,60	0,39	0,74	1,01	0,70	1,82	0,68	1,71	2,43	
Минимум	1,50	2,50	3,17	3,67	2,17	1,50	4,00	3,83	4,00	3,50	1,67	1,50	3,00	2,17	1,33	
Максимум	5,33	7,00	6,00	7,00	7,00	5,17	6,83	5,83	7,00	7,00	4,50	7,00	5,67	7,00	7,00	
Процентили	25	3,17	5,08	4,50	5,17	4,58	3,00	4,83	4,33	5,17	4,33	2,67	4,67	3,50	4,33	3,83
	50	3,67	5,83	5,17	6,00	5,33	3,67	5,67	5,00	5,67	5,00	3,53	5,50	4,17	5,33	5,00
	75	4,33	6,29	5,50	6,50	4,17	6,00	5,50	6,50	6,00	4,00	6,00	5,00	6,00	5,83	5,83

но половина испытуемых оценивают институциональную витальность экономики как достаточно высокую, в то время как остальные дают преимущественно амбивалентные оценки.

Квартильный расклад оценок, полученных в данной подвыборке по фоновым факторам ДПР, практически совпадает с результатами в подвыборках студентов и представителей «среднего класса».

При интерпретации полученных данных напрашивается достаточно очевидный вывод, что они обусловлены имевшим в последние десятилетия, по крайней мере частичным, переходом на рыночную экономику и связанными с этим возможностями самореализации, проявлениями предпринимательской инициативы, карьерного и социального роста. В данной логике становятся совершенно понятны сравнительно низкие оценки институциональной витальности института экономики представителями социально-возрастной категории пожилых людей, поскольку данные позитивные изменения затронули их в существенно меньшей степени, чем представителей младших поколений.

В эту логику совершенно отчетливо укладываются и сравнительно низкие оценки института экономики по фактору «доверие» представителями всех трех социально-возрастных категорий испытуемых. Это отражает очевидные социальные, профессиональные, финансовые и другие риски, связанные с рыночной экономикой и затрагивающие социально-активные слои населения ничуть не меньше, чем пенсионеров.

В таблице 5 включены данные анализа методом описательных статистик эмпирических распределений оценок института технологии для каждой из трех

социально-возрастных категорий испытуемых.

Данные табл. 5 показывают, что наиболее позитивно оценивают институт технологии по базисному фактору ДПР «компетентность» представители «среднего класса». 75 % распределения, составившие три верхних квартиля, попадают в шкальный интервал дифференциала, интерпретируемый как зона позитивного разрешения психосоциального конфликта «компетентность против неуспешности» (заметим, что и нижний квартиль распределения тяготеет к положительному полюсу шкалы — минимальное значение составляет 0,16, а верхняя граница квартиля — 0,83). Это означает, что подавляющее большинство представителей данной социально-возрастной категории воспринимают институт технологии как достаточно витальный, поддерживающий чувство компетентности на индивидуальном уровне и в обществе в целом. Это во многом связано со спецификой данной социально-возрастной категории, поскольку именно ее представители наиболее активно включены в технологические процессы и на момент проведения исследования в наибольшей степени реализовали свои социальные и профессиональные потребности.

В то же время оценки института технологии представителями «среднего класса» по фоновым факторам далеко не столь однозначны, и это обстоятельство заслуживает, чтобы остановиться на нем чуть подробнее. Прежде всего обращают на себя внимание низкие оценки института технологии по факторам «доверие» и «автономия». В первом случае 50 % оценок локализируются преимущественно в шкальном интервале, интерпретируемом как зона неразрешенности психосо-

Таблица 5

**Результаты анализа методом описательных статистик оценки института технологии
трем категориями испытуемых**

Факторы ДНР	Студенты				Взрослые				Пожилые				
	Довери	Автономия	Инициатива	Компетентность	Довери	Автономия	Инициатива	Компетентность	Довери	Автономия	Инициатива	Компетентность	Идентичность
Валидные	104	104	104	104	163	163	163	163	103	103	103	103	103
Пропущенные	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Среднее	3,94	3,26	3,65	4,23	4,60	3,68	4,42	5,25	4,10	3,75	3,86	4,27	4,20
Медиана	4,00	3,17	4,00	4,67	4,33	3,67	4,17	5,17	4,00	3,50	3,83	4,33	4,17
Мода	2,50	3,50	4,17	4,83	3,67	4,00	4,00a	5,17	4,50	4,00	4,00	4,83	4,83
Стандарт. отклонение	1,35	1,32	1,25	1,57	1,01	0,99	0,73	0,60	0,89	1,41	0,52	1,48	1,58
Дисперсия	1,82	1,75	1,57	2,47	1,03	0,97	0,54	0,36	0,78	1,99	0,27	2,20	2,49
Минимум	1,58	1,42	1,64	1,64	3,00	2,17	3,17	4,16	3,17	2,00	1,67	3,00	1,83
Максимум	6,33	6,33	5,67	6,33	6,33	6,17	6,17	6,67	6,50	7,00	4,83	7,00	7,00
Процентили	25	3,04	3,00	3,33	3,67	2,83	4,00	4,83	4,00	2,83	2,67	3,50	3,00
	50	4,00	3,17	4,00	4,67	4,33	3,67	5,17	4,67	4,00	3,50	3,83	4,33
75	4,92	4,13	4,50	5,33	5,50	4,00	4,83	5,50	5,17	4,67	4,17	5,33	5,50

циального конфликта «доверие против недоверия». Во втором — половина испытуемых негативно оценили институт технологии, с точки зрения дихотомии «автономия против стыда и сомнения». Эти особенности распределений являются, на наш взгляд, результатом преломления на субъективном уровне ряда объективных обстоятельств, связанных с содержанием и функционированием института технологии в современном российском обществе: во-первых, с тем, что большинство высокотехнологичных продуктов представляют собой заимствованные зарубежные разработки (при этом оригинальные, собственно российские инновации нередко оказываются невосстребованными в силу прежде всего многочисленных бюрократических барьеров на пути их продвижения); во-вторых, с тем, что реально инновационные, отвечающие мировому уровню технологии локализованы в сравнительно немногочисленных «высокотехнологичных» отраслях, в то время как общий технологический уровень промышленного сектора экономики остается критично низким; в-третьих, с преимущественно крайне низким уровнем социальных технологий — управленческих, образовательных и т. п.

Распределение результатов по базисному фактору, полученное по подвыборке студентов, характеризуется высокой степенью равномерности с некоторым смещением к положительному полюсу. Так, нижний квартиль распределения локализуется в области негативного разрешения конфликта «компетентность против неуспешности», второй квартиль — в области неразрешенности данного конфликта и, наконец, два верхних квартиля попадают в шкальный интервал, интерпретируемый как область позитивного

разрешения конфликта. На наш взгляд, такое распределение является прямым отражением специфики данной категории испытуемых, в рамках которой восприятие института технологии напрямую опосредуется успешностью профессионального обучения (а также его содержанием и качеством) и перспективами дальнейшей профессиональной деятельности. Данный вывод находит дополнительное косвенное подтверждение и в схожести распределений, полученных по фоновым факторам дифференциала, с только что описанным раскладом.

Что касается подвыборки пожилых людей, то распределение результатов, полученных в ней по базисной шкале, практически идентично аналогичному для подвыборки студентов. При этом распределения по фоновым шкалам близки к аналогичным в подвыборке представителей «среднего класса». Такое критичное отношение вполне очевидно связано с социально-возрастной спецификой данной категории испытуемых, ограничивающей как доступ к высоким технологиям, так и возможности их объективной оценки. В то же время включение в повседневную жизнь широкого спектра современных технологических достижений затронуло, во всяком случае, частично и пожилых людей (мобильные телефоны, банковские карты, автоматизированные схемы оплаты коммунальных услуг и т. п.), чем объясняются сравнительно высокие оценки испытуемыми данной категории института технологии по базисной шкале.

В таблице 6 представлены результаты анализа методом описательных статистик эмпирических распределений оценок института идеологии для каждой из трех социально-возрастных категорий испытуемых.

Таблица 6

Результаты анализа методом описательных статистик оценки института идеологии
 тремя категориями испытуемых

Факторы ДИР	Студенты				Взрослые				Пожилые					
	Доверие	Автономия	Инициатива	Идентичность	Доверие	Автономия	Инициатива	Компетентность	Идентичность	Доверие	Автономия	Инициатива	Компетентность	Идентичность
Валидные	104	104	104	104	163	163	163	163	163	103	103	103	103	103
Пропущенные	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Среднее	4,30	4,88	4,53	4,44	3,70	4,31	4,51	4,39	3,18	4,31	5,02	4,38	4,87	4,38
Медиана	4,17	4,83	4,67	4,50	3,50	4,17	4,50	4,33	2,83	4,33	5,00	4,33	4,67	4,00
Мода	4,17	4,83а	4,67	4,50	3,67	4,50	4,50	4,67	2,83а	4,33а	5,00	4,00	4,67	3,00
Стандарт. отклонение	1,29	1,42	0,67	1,34	1,12	1,17	0,52	1,13	1,61	1,08	0,90	0,47	1,06	1,42
Дисперсия	1,65	2,02	0,46	1,79	1,25	1,37	0,27	1,27	2,59	1,16	0,82	0,22	1,12	2,02
Минимум	1,00	1,33	3,00	1,00	2,33	2,67	3,83	2,67	1,17	2,33	3,33	3,67	2,83	2,67
Максимум	7,00	7,00	5,83	7,00	6,50	7,00	5,67	6,83	7,00	6,17	7,00	5,17	7,00	7,00
Процентили	25	3,67	4,00	3,50	2,83	3,33	4,17	3,50	2,00	3,50	4,50	4,00	4,33	3,00
	50	4,17	4,83	4,67	4,50	3,50	4,17	4,50	4,33	4,33	5,00	4,33	4,67	4,00
	75	5,33	6,17	5,00	4,33	5,00	4,83	5,17	4,00	5,17	5,50	4,83	5,67	5,83

Как следует из табл. 6, наиболее критично оценивают институт идеологии представители «среднего класса». Так, по базисному относительно данного института фактору ДПР «идентичность» результаты свыше 50 % испытуемых рассматриваемой социально-возрастной категории локализируются в области негативного разрешения психосоциального конфликта «идентичность (цельность) против психосоциальной спутанности (тотальность)» (верхняя граница второго квартиля составляет -1,17). Большинство испытуемых воспринимают институт идеологии в его современном состоянии как продуцирующий тотальность в обществе. В то же время по фоновым факторам «автономия», «инициатива», «компетентность» зафиксированы существенно более высокие оценки. Это означает, что в целом институт идеологии воспринимается как деструктивный в своей сущности, но при этом достаточно самостоятельный, агрессивный, обладающий необходимыми ресурсами. По фоновому фактору «доверие» вполне закономерно в рамках такой общей картины преобладают также негативные оценки.

Очень похожий расклад представляет собой распределение результатов, полученных в социально-возрастной категории студентов, за одним исключением: по фоновому фактору «доверие» их оценки института идеологии существенно выше, чем у представителей «среднего класса». Это отражает, на наш взгляд, фундаментальную, в логике психосоциальной теории, потребность юношества во внешних идеологических ориентирах, сохраняющую свою актуальность и значимость, даже если предлагаемые обществом идеологичес-

кие продукты не являются в субъективном восприятии достаточно качественными и не отвечают или не вполне отвечают личностным ценностным установкам.

Представители социально-возрастной категории пожилых людей оценивают институт идеологии существенно выше, чем представители двух других социально-возрастных категорий. Распределение результатов, полученных в данной подвыборке по базисному фактору ДПР, тяготеет к положительному полюсу шкалы (минимальное значение распределения составляет -1,33, максимальное — 3). Тем не менее свыше 25 % испытуемых этой социально-возрастной категории оценили институт идеологии негативно, с точки зрения разрешения дихотомии «идентичность (цельность) — психосоциальная спутанность (тотальность)» — верхняя граница первого квартиля составляет -1. Еще около 25 % испытуемых выразили амбивалентно-индифферентное отношение и, наконец, примерно половина испытуемых данной социально-возрастной категории позитивно оценили институт идеологии по базисному фактору. По фоновым факторам «автономия», «инициатива», «компетентность» преобладают позитивные оценки. Распределение результатов по фоновому фактору «доверие» практически идентично аналогичному, полученному по подвыборке студентов.

Таким образом, на основании полученных данных можно констатировать, что большинство представителей наиболее социально активных слоев современного российского общества негативно оценивают институт идеологии в его современном состоянии. Это обус-

ловлено, на наш взгляд, активно культивируемыми и, более того, агрессивно навязываемыми в последние годы идеологическими установками и так называемыми «традиционными ценностями», как стилистически, так и содержательно во многом пересекающимися со стереотипами и установками тоталитарного советского прошлого. Это, в свою очередь, вызывает резкий диссонанс с ценностями рыночной экономики и личной свободы, которые, как показано, в том числе и в данном исследовании, являются высокозначимыми для представителей молодого и среднего поколений современных россиян. Это означает, что институт идеологии в его современном виде в целом не соответствует как объективным потребностям социально-экономического развития, так и групповым и личностным ценностям и потребностям наиболее дееспособных и перспективных, с точки зрения развития человеческого капитала и модернизации общества, слоев населения.

Заключение

Итак, попытаемся подвести некоторые итоги. Заявленная проблематика никоим образом не исчерпывается осуществленным исследованием и требует дальнейшего углубленного изучения. Вместе с тем полученные результаты позволяют, на наш взгляд, уже на данном этапе сформулировать ряд практикоориентированных выводов.

Еще раз подчеркнем, что полученные данные свидетельствуют, что в настоящий момент российское общество переживает глубокий системный кризис

идентичности, который проявляется как минимум в двух аспектах:

1) на психосоциальном уровне в виде противоречия между результатами индивидуального развития у существенно значимой в количественном и качественном отношении части общества и результатами развития к настоящему моменту социальной системы; 2) на структурно-институциональном уровне в виде объективных противоречий между преимущественно инновационной ориентированностью базисных социальных институтов экономики и технологии и консервативной ориентированностью институтов, прежде всего политики и права, а также религии и идеологии.

При этом глубочайшей ошибкой было бы восприятие первого из указанных противоречий как некой «революционной ситуации», чреватой глобальными потрясениями и тотальным разрушением социальной системы (а именно такого рода видение ситуации, как раз и ведущее при его полномасштабной реализации к катастрофическому сценарию — феномен самореализующегося пророчества, свойственно значительной части современной политической элиты). В логике психосоциальной теории, обладающий высоким уровнем автономии, личностных и профессиональных ресурсов, самодостаточный и инициативный «средний класс», а также «подпирающее его снизу» в этом отношении студенчество, являются тем самым человеческим потенциалом, который способен именно в эволюционной и при этом достаточно динамичной схеме обеспечить трансформацию институциональной структуры общества к уровню, адекватному потребностям инновационного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин В.А. Тенденции психосоциального развития в российском обществе. Уфа, 2007.
2. Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. М., 2007.
3. Эриксон Э. Идентичность. Юность и кризис. М., 2006.
4. Erikson E. Young Man Luther. N. Y., 1958.
5. Erikson E. Insight and Responsibility. N. Y., 1964.
6. Erikson E. The Life Cycle Completed. N. Y., 1982.

**Identity Crisis as a Resource for Society Modernisation:
Exploring Social Institutions of Russian Society as Perceived
by Three Categories of Russians**

V.A. ILYIN

*Doctor in Psychology, professor at the Chair of Management Psychology,
Moscow State University of Psychology and Education*

E.A. MIKHAILOVA

HR director at «NLK-Trans, LLC»

This research carried out within the framework of psychosocial theory of development focuses on the perception and assessment of basic social institutions of Russian society in representatives of the following three social and age categories: students, middle class, and elderly people. The massive data obtained in the research indicate that there is a deep crisis in psychosocial development of the modern Russian society, which manifests itself not only on the individual, interpersonal and intergroup levels, but also on the level of social structure of the society, the latter being distinctly ambiguous due to the unsolved contradiction between innovative and conservative developmental patterns. However, this identity crisis in the society can possibly create conditions for improving the social system in such a way that it would fulfill the demands of innovative development. Furthermore, the Russian middle class in its present-day form is the foundation of human capital crucial for such evolutionary, yet dynamic improvements.

Keywords: *social and age category; basic social institutions; crisis of psychosocial development; innovative and conservative patterns of development; psychosocial theory of development.*

REFERENCES

1. Il'in V.A. Tendencii psihosocial'nogo razvitiya v rossiiskom obshestve. Ufa, 2007.
2. Kondrat'ev M.Yu., Il'in V.A. Azbuka social'nogo psihologa-praktika. M., 2007.
3. Erikson E. Identichnost'. Yunost' i krizis. M., 2006.
4. Erikson E. Young Man Luther. N. Y., 1958.
5. Erikson E. Insight and Responsibility. N. Y., 1964.
6. Erikson E. The Life Cycle Completed. N. Y., 1982.